

ЭПИЧЕСКИЕ НАПЕВЫ ИЗ СБОРНИКА КИРШИ ДАНИЛОВА И ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОГО БЫЛИННОГО МЕЛОСА

Сборник «Древние российские стихотворения» [5], связанный с именем Кирши Данилова (далее – Сборник), впервые появился в печати в 1804 году. В этом Сборнике ещё отсутствуют музыкальные записи былин и песен, ноты появляются лишь в издании 1818 года. Актуальность в изучении материалов Сборника сохраняется по сей день, поскольку нерешёнными остаются проблемы происхождения и географической принадлежности собранных в нём эпических напевов, отмеченных исключительным жанровым разнообразием. Ряд исследователей полагают, что Сборник содержит материалы Сибири и Урала, где была создана рукопись, однако сам репертуар связан с русскими традициями северного народного эпоса. Из череды научных трудов следует особо выделить книгу Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова «Былины. Русский музыкальный эпос» [4], а также статью Е. В. Гиппиуса о былинных напевах семьи Рябининых [2].

Цель данной статьи – выявить общие черты между былинами из Сборника и севернорусскими былинами, а также сформулировать гипотезы, которые определяют направление дальнейшего исследования былин.

Учёных, ранее обсуждавших этот вопрос, удивляло, что былины, традиционно исполняемые на Севере в размеренной эпической манере, представлены в Сборнике весёлыми скоморошескими песнями. Однако уже в начале XX века выдающийся исследователь русского музыкального фольклора А. Л. Маслов [10] отмечал, что на Севере даже серьёзные эпические напевы исполнялись в довольно оживлённом темпе. Вместе с тем, учёный не отрицал, что былины, услышанные и записанные от сказительницы А. М. Крюковой, были протяжного типа, но всё-таки исполнительская ретардация была относительной. А. Л. Маслов писал: «...что касается того, что мелодии Кирши плясового характера, опять-таки упомянутые экспедиции доказали нам, что несмотря на серьёзный эпический характер песен, напевы их большею частью скорого темпа, иногда как будто плясового, но в исполнении сказителей они получают своеобразную окраску скром-

ности и в то же время какой-то торжественности. То, что эпические песни исполнялись быстро, мы имели право несколько предполагать и раньше» [10, стлб. 1032]. Анализ манеры исполнения эпических песен на Севере позволил А. Л. Маслову высказать предположение о том, что Сборник содержит именно северные былины русского эпоса.

А. Л. Маслов обратил внимание на характер исполнения, но не поднял вопрос о связи былин северной русской эпической традиции с былинами из Сборника на основе их мелодического сходства. Об этой связи писал Е. В. Гиппиус в своей объёмной статье о былинах [2]. В частности, он отметил ритмическое сходство напева «Теща и зять-обжора» с напевом Рябининых, в основу которого легла музыкально-ритмическая формула первого напева «Вольга и Микула» («Жил Святослав девяносто лет...»), встречающаяся в Сборнике пятнадцать раз [2, с. 21, 30]. Е. В. Гиппиус писал, что мотив «Теща и зять-обжора» соответствует хороводной песне аграрно-календарного происхождения «Сеяли девушки яровой хмель», но уже с отчётливыми следами скоморошьей поэтики и сюжетики в песенном тексте¹.

По мнению русского историка и фольклориста В. М. Беляева: «...главное и существенное отличие сборника Кирши Данилова от других известных собраний русских песен XVIII века, именно от сборников Трутовского и Львовича-Прача, заключается в том, что этот сборник был создан в провинции, а не в столице» [1, с. 7]. Несмотря на тот факт, что В. М. Беляев положил много сил на изучение Сборника и реконструкцию собранных в нём напевов, проблемы их сходства с северными былинами он не затрагивал. Заметим, что все, кто писал об общности напевов из Сборника и северных русских былин, обращали внимание либо на характер музыки, либо на мелодическое родство с плясовыми напевами, но не затрагивали саму структуру напевов. Однако композиционная форма является существенным признаком классификации эпических мелодий и важна для понимания историко-стилевого развития былинного мелоса.

Одна из форм строфы связана с неравным количеством стихов, которые позднее были названы *тирадами*. Тирада – это композиционная строфическая форма, в которой варьируются вторая или третья строфы без повторения первой (формулировка моя. – М. Б.). Е. А. Ляцкий, изучавший напевы семьи Рябининых, утверждал, что музыкальные строфы следует отмечать в севернорусских былинных текстах в том случае, если с напевом используется не один, а несколько былинных стихов [7]. «Последовательность частей напева (“мотивов”, по терминологии публикации Ляцкого), – пишет Е. В. Гиппиус, – в первых стихах былины – АБВ – при пении последующих стихов не сохраняется (например, АБВ, АББ, АВВ, АВ, АВ и т. д.). В мелодических трёхчленных напевах на музыкальную строфу не обязательно приходится три стиха, хотя каждой из трёх частей напева соответствует один стих» [2, с. 16–17]. Так, согласно Е. В. Гиппиусу, сказитель исполняет «интонацию-зачин», являющуюся мелодическим элементом А, если в тексте излагается новая мысль. Следующая часть напева (вторая часть, мелодический элемент Б) по интонации является «ответом» первой части, как бы заканчивает мысль стиха. Заключительная, третья часть напева – мелодический элемент В – в напевах из трёх, а не из двух частей, есть второй мелодический «ответ» интонационному зачину, который преимущественно выглядит как вариант второй части напева мелодического элемента Б, интонационного – звуковысотного или же ритмического. Зачин А чаще всего поётся один раз в начале каждой строфы и затем не повторяется, части Б и В регулярно повторяются по нескольку раз. Кроме формы тирады, в былинах встречаются более короткие напевы – однострочные, и в таком случае самой формы тирады не образуется.

С течением времени форма тирады стала приобретать всё более важное значение. На этом основании Б. М. Добровольский и В. В. Коргузалов выработали типологическую классификацию. Они разграничивают напевы по композиции² и ритмическим характеристикам («напевы в нечётных, смешанных и чётных группах метрического времени»), предлагая новый подход к классификации былин. Исследование показало, что строфические формы преобладают в Заонежье, меньше имеются на Пинеге, а в других районах Севера тирады исчезают (только стиховые формы – на Мезени и Печоре). Тирада же в записях эпоса народов Карелии встречается достаточно часто, как в былинах заонежских сказителей, так и у карелов, полагает Е. В. Гиппиус³.

В музыкальном материале, собранном Киршей, привлекает в первую очередь такой напев, на который написано наибольшее количество былинных произведений. А. Л. Маслов заострил внимание на том, что на один и тот же напев поётся несколько былин (до 10): «...записывавший должен быть или сам исполнитель песен, которые помещены в сборник Кирши Данилова, или, часто слыша их, так хорошо запомнил, что мог положить на ноты, а певец был один – это несомненно, так как на протяжении всего сборника около десяти песен повторяются в одном и том же варианте, чего нельзя получить от разных певцов» [10, стлб. 1031]. Конечно, вывод о тирадах лучше сделать, когда в напеве записаны десятки стихов; но у Кирши Данилова записаны несколько начальных стихов, при этом в одном стихе вторая строфа повторяется четыре раза, в другом – три.

В другой группе былин В. М. Беляев также выделил основной напев и отметил, что «наиболее крупную группу песен, исполняемых на один основной напев, составляют десять песен, девять из которых являются былинными песнями и одна – шуточной (№ 27 “Агафонушка”» [1, с. 25]. Ниже приведён пример, соединивший в себе наиболее ярко выраженные варианты мелодические и ритмические интонации основного, универсального напева, на который поются несколько былинных стихов.

Пример 1

«Агафонушка» (№ 27)⁴



При анализе строения напевов и количества строк было обнаружено, что былинные напевы тирадной формы в основном имеют соотношение типа А – Б – Б1 – Б2 – Б3... (от 2-х до 4 повторов строфы Б). В ходе анализа стало ясно, что в перечисленных выше эпических напевах начальная строфа неизменна, а средняя и конечная строфы варьируются (АБВ разделы) – они создают тираду. С точки зрения

композиции это похоже на тираду, описанную Е. А. Ляцким, Е. В. Гиппиусом и другими. Скорее всего, певец этих былин что-то позаимствовал от тирад, оставив в основе весёлый плясовой напев, бывший универсальным. Иными словами, сказители былин, в частности И. Т. Рябинин и А. М. Крюкова, поют их часто на один и тот же напев. То же подтвердилось фонографическими записями, выполненными во время экспедиций А. Л. Маслова в Архангельскую губернию [10, стлб. 1031].

Ю. И. Марченко обращает внимание на то, что в Онежской традиции в однострочных строфических напевах тирадные строфические формы преобладают. Исследователь отмечает, что «для архангельского музыкального эпоса наиболее колоритны развитые однострочные напевы» [9, с. 120]. Это же подтверждается и в антологии Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова. Вероятно, Кирша Данилов подхватил эту исполнительскую традицию, воспринятую в Заонежье, и этот вариант стал называться «скоморошным». Отсюда возникают следующие предположения:

Если тирадный способ пения былин зарегистрирован в Сибири, это указывает на то, что он распространялся, так сказать, бродячим способом, то есть скоморохами и странствующими музыкантами, передающими из города в город репертуар и сказительскую традицию. В Карелии же был осёдлый образ жизни и другая традиция⁵.

Вероятнее всего тирадный стиль пения концентрировался в Великом Новгороде; в Карелии он встретил новые родственные сходные формы, в частности, вепское причитание (у переселенцев из Новгорода), и превратился в былинный напев. У С. И. Дмитриевой «возникает предположение о связи отмеченных выше различий с переселенческими потоками. Как показывают исторические данные, Север сравнительно поздно (главным образом в XII–XVII вв.) был заселён русскими выходцами из Новгородской и Ростово-Суздальской земель. Согласно свидетельствам памятников письменности XII–XVII вв., в том числе древнейшего из них – Уставной грамоты Святослава Олеговича, путь новгородцев на северо-восток шёл по рекам Волхову и Свири в Онежское озеро. От Онежского озера дальше на север и северо-восток вело несколько путей. <...> Кроме этих главных дорог позднее возникли пути прямо на Север к Белому морю. Один по берегам Онежского озера, далее волоком к Маткоозеру и через Выгозеро; другой – через Корелу по побережью Ладожского озера к западному берегу Белого озера» [3, с. 37]. Заонежье рань-

ше других земель Поморья было освоено новгородцами, однако С. Ф. Платонов полагал, что «ранние поселения новгородцев в Заонежье и к востоку от Онеги невозможны были из-за живших здесь карелов» [11, с. 33].

Таким образом, место распространения (ареал) былин, имеющих один тип построения, представляется следующим образом: строфических форм меньше всего произведено с московского источника в Мезени и Печоре; они преобладают в беломорской традиции, в Заонежье и Карелии, на Онеге, что связано с массовыми переселениями жителей из Великого Новгорода. Е. В. Гиппиус пришел к выводу, что былинные напевы из Сборника стилистически близки по музыкальному синтаксису былинам заонежской традиции, которые объединяла основная музыкально-ритмическая формула, известная в русской эпической традиции XVIII века. Эта формула составляла часть эпического музыкального стиля, отличающегося тесным интонационным переплетением универсализированных плясовых и эпических напевов [2, с. 34]. Данный эпический материал был распространён не столько в деревнях, сколько в городах и заводских поселках со смешанным населением, так как этот стиль одинаков по всей России. Его главными носителями и пропагандистами были позднейшие скоморохи, в итоге осевшие в городах. Именно таким поздним вариантом стал заонежский эпический стиль, который и оказал воздействие на областную традицию городской демократической песенной культуры.

Итак, по установленным признакам (например, напевы серьёзного эпического характера в Сборнике представлены в скором темпе с плясовым оттенком, что является особенностью манеры исполнения былин на Севере), исходя из полученных сведений и проанализированных материалов (здесь следует подчеркнуть связь былин Кирши и северных напевов не только на основе мелодического сходства – выявлены общность их ритмических формул и мотивов, общность мелодий самих эпических напевов, а также исполнение текстов былин на один общий напев), впервые поднимается вопрос композиционной формы былинных напевов, которая является важным указателем на географическую принадлежность эпического мелоса: в Сборнике Кирша использует тирадные строфические формы для исполнения на универсальный напев разных былинных стихов. Важно отметить то, что этот стиль пения концентрировался на территории Беломорья, Заонежья и Карелии, где и бытовала музыкально-ритмическая формула напевов из Сборника.

Решая проблему географической принадлежности эпических напевов из Сборника Кирши Данилова, мы пришли к выводу, что они представлены не только песенным репер-

туаром Сибири и Урала. Композиционные особенности напевов позволяют отнести их к более общей группе – былинам северной русской традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е. В. Гиппиус в [2] отметил связь музыкально-ритмической формулы этой песни с поздней скоморошьей традицией (с. 37, 33), с поздней скоморошьей плясовой песней XVIII в. (с. 23, 21); он подчеркнул, что некоторые напевы являются переработанной версией хороводной песни в плясовую (с. 19–20, с. 31). Эти факты подтверждают профессиональную принадлежность Кирши Данилова.

² Важен сам принцип классификации былин, разработанный авторами: «Составители Антологии формируют её разделы по региональному принципу, располагая мелодии внутри каждого из них в порядке возрастающей сложности музыкальной формы – от стиховых напевов к строфическим композициям» [4, с. 118].

³ Более подробно о распространении и чертах формы тирады пишет Е. В. Гиппиус в [2]. С. 16: «...напев в былинах строфического типа используется заонежскими сказителями совершенно своеобразным способом – в Заонежье она близка к соседней карельской тради-

ции исполнения рун Калевалы – на напев поются не один, а несколько былинных стихов и стихотворные строки поются на разные две или три музыкальные интонации»; с. 19 – о преемственности мелодической декламации карел сказителями Заонежья; с. 24–25 – о традиции почти полной незакреплённости текстом напева, исполнения на те же самые два-три напева большого числа различных эпических текстов – характерная особенность заонежских и карельских севернорусских былин.

⁴ Автором вертикального ранжира напева является Богданова М. А.

⁵ Ю. Ковыришина отмечает специфику структуры былин в Карелии: «Эпические формы Карельского берега отмечались исследователями как “тирадные”, однако их мелострофа состояла из двух стихов, либо чередовалась стиховая и строфовая композиционные единицы, что не подходит под определение тирады, принятому в этномузыкознании» [8, с. 70]. Таким образом, автор как бы опровергает позицию Е. В. Гиппиуса – см. с. 5–6 данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев В.* Сборник Кирши Данилова: Опыт реставрации песен. М.: Композитор, 1969. 227 с.
2. *Гиппиус Е.* Былинные напевы семьи Рябининых // Вопросы этномузыкознания. 2013. Вып. 5. С. 16–34.
3. *Дмитриева С.* Географическое распространение русских былин: По материалам конца XIX – начала XX в. М.: Наука, 1975. 113 с.
4. *Добровольский Б., Коргузалов В.* Былины: Русский музыкальный эпос. М.: Сов. композитор, 1981. 616 с.
5. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизданных, и нот для напева. М.: Типография С. Селивановского, 1818. 425 с.
6. *Ковыришина Ю.* Мелогеография старин и духовных стихов Поморья // Вопросы этномузыкознания. 2013. Вып. 5. С. 62–79.
7. *Ляцкий Е.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины: Этнографический очерк. М.: Типография С. Селивановского, 1818. 425 с.
8. *Марков А.* Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М.: А. Левенсон, 1901. 635 с.
9. *Марченко Ю.* Некоторые вопросы изучения музыкальной стилистики эпических напевов Архангельской традиции (по материалам, записанным на Кулое, Мезени и Печоре) // Русский фольклор. Эпические традиции: материалы и исследования. СПб.: Наука, 1995. Т. XXVIII. С. 116–124.
10. *Маслов А.* Кирша Данилов и его напевы // Русская музыкальная газета. 1902. № 43. Стлб. 1025–1038.
11. *Платонов С.* Прошлое русского Севера: очерки по истории колонизации Поморья. Петроград: Время, 1923. 359 с.

REFERENCES

1. *Belyaev V.* Sbornik Kirshi Danilova. Opyt restavratsii pesen [The Collection of Kirsha Danilov. Attempt in the restoration of songs]. Moscow: Kompozitor Press, 1969. 227 p.
2. *Gippius E.* Bylinnye napevy sem'i Ryabininykh [Epic tunes of the family Ryabinins]. Voprosy etnomuzykoznaniiya [Problems of Ethnomusicology]. 2013. No. 5. P. 16–34.
3. *Dmitrieva S.* Geograficheskoe rasprostranenie russkikh bylin: Po materialam kontsa XIX – nachala XX v. [Geographical distribution of the Russian bylinas: According to the materials of the late 19 – early 20 ages]. Moscow: Nauka Press, 1975. 113 p.
4. *Dobrovol'skiy B., Korguzalov V.* Byliny: Russkiy muzykal'nyi epos [Bylinas: Russian musical epos]. Moscow: Sovetskiy kompozitor Press, 1981. 616 p.
5. *Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshey Danilovym i vtorichno izdannye s pribavleniem 35 pesen i skazok, dosele neizdannykh, i not dlya napeva* [Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov and published again with the addition of 35 songs and fairy tales, before this time being unpublished, and notes for tunes]. Moscow: S. Selivanovskiy's Printing House, 1818. 425 p.
6. *Kovyrshina Yu.* Melogeografiya starin i dukhovnykh stikhov Pomor'ya. Voprosy etnomuzykoznaniiya [The melogeography of the epics and Seaboard spiritual poetry]. Problems of ethnomusicology. 2013. No. 5. P. 62–79.
7. *Lyatskiy E.* Skazitel' Ivan Trofimovich Ryabinin i ego byliny: Etnograficheskiy ocherk [The narrator Ivan Ryabinin and his epic songs: Ethnographic essay]. Moscow: S. Selivanovskiy's Printing House, 1818. 425 p.
8. *Markov A.* Belomorskie byliny, zapisannye A. V. Markovym [The White Sea epic songs, written by A. Markov]. Moscow: A. Levenson Publishing House, 1901. 635 p.
9. *Marchenko Yu.* Nekotorye voprosy izucheniya muzykal'noy stilistiki epicheskikh napevov Arkhangel'skoi traditsii (po materialam, zapisannym na Kuloe, Mezeni i Pechore) [Some questions of a research in musical style of epic tunes in Arkhangel'sk tradition (on materials recorded in Kuloi, Mezen and Pechora)]. Russkiy fol'klor. Epicheskie traditsii: materialy i issledovaniya [Russian folklore. The epic tradition: materials and works]. St. Petersburg: Nauka Press, 1995. Vol. I. XXVIII. P. 116–124.
10. *Maslov A.* Kirsha Danilov i ego napevy [Kirsha Danilov and his tunes]. Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian Musical Newspaper]. 1902. No. 43. Col. 1025–1038.
11. *Platonov S.* Proshloe russkogo Severa: Ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ya [Past of Russian North: Essays on the history of the colonization of the Seaboard]. Petrograd: Vremya Press, 1923. 359 p.

ЭПИЧЕСКИЕ НАПЕВЫ ИЗ СБОРНИКА
КИРШИ ДАНИЛОВА
И ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОГО БЫЛИННОГО МЕЛОСА

Статья посвящена вопросу связи былин из сборника Кирши Данилова «Древние Российские стихотворения» и былин северной русской традиции. Рассмотрены специфика северных эпических напевов, ареал распространения былин и особенности композиционной формы песен из сборника.

Былины из объёмного песенного материала сборника Кирши Данилова были не раз опубликованы исследователями. Однако до сих пор их непосредственная связь с былинами северной русской традиции на уровне формообразования, а также других важных признаков и факторов, указывающих на происхождение, целенаправленно не рассматривалась. Выполнены задачи, связанные с выбором методов исследования взаимосвязи напевов, с анализом имеющихся материалов в аспектах установле-

ния мелодического и ритмического сходства, характера исполнения былин, с установлением тирадной формы и структуры указанных напевов – с учетом историко-географического и стиливого развития эпического материала и т. д. Обнаруженная тирадная форма напевов, исполняемая Киршей с разными былинными текстами на универсальный напев, указывает на беломорский, заонежский и карельский стили пения, откуда родом музыкально-ритмическая формула песен из его сборника. В заключении автор делает вывод о принадлежности рассмотренных напевов к более общей группе – былинам северной русской традиции.

Ключевые слова: скоморохи, Кирша Данилов, скоморошины, былины северной русской традиции, эпический напев, плясовой напев, строфическая тирадная форма.

EPIC TUNES FROM THE COLLECTION
BY KIRSHA DANILOV AND TRADITIONS
OF NORTHERN BYLINA MELODIES

The article deals with a question of connection between *bylina* folksongs in Kirsha Danilov's anthology *The Ancient Russian Poems* and the traditional Northern Russian *bylina* folksongs. The specifics of Northern epic chants, the *bylina* folksongs' geographical range and the compositional features of the songs from the anthology are looked through.

Bylinas from the voluminous material of Kirsha Danilov's anthology were published numerous before. But the immediate connection with the Northern Russian traditional folksongs in terms of structure shaping and other important attributes and factors signifying their origins remained to be overlooked. The tasks were reached in the indication of research methods of the chant correlation, in the analysis of the existing materials in the aspects of confirmation of melodic and

rhythmic similarity with the account of performing specifics; in proving the tirade form and structure of chants with the account of historical-geographical and stylistic development of the epic material and so on. The discovered tirade form of chants performed by Kirsha, basing on the universal chant of various folksong lyrics, signifies the Belomor, Zaonezh and Karelia types of singing, which the anthology songs' musical and rhythmical structure is based on. As a result, it is confirmed, that, according to the research data, the chants belong to a larger class of songs – the *bylina* songs of Northern Russian tradition.

Key words: skomorokhi, Kirsha Danilov, skomorokhi songs, Russian North folk ballads (*bylinas*), heroic epic songs, dance songs and tunes, strophic passage structure.

Богданова Марина Алексеевна

аспирант кафедры музыкального воспитания и образования
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Россия, 193149, Санкт-Петербург
e-mail: dartmarina@mail.ru

Bogdanova Marina A.

postgraduate student at the Department of Musical Upbringing and Education
A. Herzen State Pedagogical University of Russia
Russia, 193149, St. Petersburg
e-mail: dartmarina@mail.ru

Чёрная Марина Радославовна

доктор искусствоведения, профессор кафедры музыкального воспитания и образования
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Россия, 193149, Санкт-Петербург
e-mail: marina-chernaya@yandex.ru

Chernaya Marina R.

Doctor in Art Studies, Professor at the Department of Musical Upbringing and Education
A. Herzen State Pedagogical University of Russia
Russia, 193149, St. Petersburg
e-mail: marina-chernaya@yandex.ru

